

Глобальные проблемы трансформации мировой экономики в новую экономическую модель развития

Наталья Ю. Сопилко

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, sheremett73@gmail.com*

Виталий В. Морозов

*РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина
Москва, Россия, praktikargung@yandex.ru*

Аннотация. В статье делается акцент на том, что вектор глобализации продолжает развиваться в мировой экономике, трансформируясь и приобретая черты новой модели экономического развития. В мировой экономической системе наблюдаются переизбыток производства материальных благ, диспропорции в их распределении, обостряются проблемы продовольствия и энергетики, растет социальное расслоение и усиливается стратификация мирового сообщества. В этих условиях огромное значение имеет процесс формирования и расширения международных стратегических альянсов, в котором активное участие принимают ключевые игроки, в том числе Россия и Китай. С учетом веса в мировой экономике китайским инициативам принадлежит ключевая роль, в первую очередь в развитии стран Африки. В мире наблюдается геэкономическое противостояние крупных игроков, перекраивающих сегменты мировой экономики и стремящихся в процессе ее технологического изменения занять наиболее выгодные позиции. Китай фактически открыто формирует зону своего доминирования, где будет актуальна китайская валюта в противовес доллару. Обосновано, что в рамках стратегических альянсов в дальнейшем будет происходить формирование новой картины будущего, новой модели мировой экономики, что определит на перспективу десятилетий ход экономической истории.

Ключевые слова: новая экономическая модель, мировая экономика, индустрия 4.0, глобальные цепочки создания стоимости

Для цитирования: Сопилко Н.Ю., Морозов В.В. Глобальные проблемы трансформации мировой экономики в новую экономическую модель развития // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2024. № 4. С. 61–75. DOI: 10.28995/2073-6304-2024-4-61-75

Global issues of transformation the world economy into a new economic development model

Natalya Yu. Sopilko

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, sheremett73@gmail.com*

Vitalii V. Morozov

*National University of Oil and Gas "Gubkin University"
Moscow, Russia, praktikargung@yandex.ru*

Abstract. The article emphasizes that the vector of globalization continues to develop in the world economy, transforming and acquiring the features of a new model of economic development. In the global economic system, there is an overabundance of production of material goods, imbalances in their distribution, food and energy issues are worsening, social stratification is growing and the stratification of the world community is intensifying. As part of all that the process of forming and expanding international strategic alliances is of great importance. Given its weight in the global economy, Chinese initiatives play a key role, primarily in the development processes of African countries. The world is witnessing a process of geo-economic confrontation between major players who are reshaping segments of the global economy and seeking to occupy the most advantageous positions in the process of technological change. China is actually openly forming a zone of its dominance, where the Chinese currency will be relevant as opposed to the dollar. It is substantiated that within the framework of strategic alliances, a new picture of the future, a new model of the world economy will be formed in the future, which will determine the course of economic history for decades to come.

Keywords: new economic model, world economy, industry 4.0, global value chains

For citation: Sopilko, N.Yu. and Morozov, V.V. (2024), "Global issues of transformation the world economy into a new economic development model", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, no. 4, pp. 61-75, DOI: 10.28995/2073-6304-2024-4-61-75

Введение

Современная модель мировой экономической системы отражает все черты и маркеры системного кризиса, зародившиеся в начале XXI столетия, что отмечается многими экспертами и учеными. При этом охватившая весь мир пандемия коронавируса послужила своеобразным посылом эволюционного генезиса научной мысли с вектором повестки стагфляции, что подтверждают данные известных международных организаций и информационных агентств.

В мировой экономике наблюдаются переизбыток производства материальных благ, дисбаланс в их распределении, проблемы продовольственной и энергетической безопасности, социальное расслоение и мн. др. [Навроцкая и др. 2022]. То есть, имеются все предпосылки для ее трансформационного перехода, который принял открытую форму к новому вектору, базирующемуся на принципиально иных процессах организации международного производства и финансов.

По мнению ряда ученых, важной точкой считается 2008 г. [Смирнов 2019], послуживший моментом ослабления мировой экономической системы и делением ее на гиперглобализацию и слоубализацию. Именно в 2008 г. доля экспортных операций в мировом ВВП достигала своего пика, а затем наблюдался спад. Согласно данным отчетов Всемирного банка и национальных счетов ОЭСР за 2022 г., экспертами отмечается параллельное снижение в 2021 г. доли глобальных цепочек добавленной стоимости (GVC) в структуре мировой торговли (с 55 до 44%). Хотя, для сравнения, в период 1970–2008 гг. этот показатель постоянно рос – с 35 до 55% [Кондратьев 2018]. Развитие GVC является критически важным индикатором для понимания состояния современной мировой экономической системы, а именно – изменения темпов роста мирового ВВП или же объемов мировой торговли, различий в уровнях и темпах развития тех или иных регионов, дифференциации производительности труда доходов, миграции капитала и труда [Перская, Хомякова 2021]. При этом динамика GVC выступает ключом к пониманию современной экономики и трендов ее развития, так как перераспределение и фрагментация производства лежат в основе изменения архитектуры современного мира.

Системный кризис модели мировой экономики

С момента своего первоначального появления почти два десятилетия назад исследования глобальных производственных сетей (GPN) превратились в динамичную, емкую и разнородную область исследований. Хотя начинались эти исследования в основном с экономической географии, в текущем периоде они также являются частью более широкого междисциплинарного научного сообщества [Волгина 2020]. Разделяют близкие подходы глобальной товарной цепочки (GCC) и

глобальной цепочки создания стоимости (GVC). В последнее время исследования в области GVC, в свою очередь, начали взаимодействовать с работой в области экономики международной торговли, международного бизнеса, политологии и инновационных систем. Расширяющаяся интеллектуальная программа сопровождалась применением подходов GPN/GVC к постоянно растущему кругу отраслевых задач, включая фармацевтику, логистику, морской транспорт, пассажирскую авиацию, туризм, инвестиционные фонды, оффшорные услуги и возобновляемые источники энергии, т. е. исследования GVC в настоящее время касаются не только агропродовольственных и производственных секторов, как это было в начале 2010-х гг., но и широкого круга товаров и услуг, что делает исследования в этом направлении системными, способными объяснять фундаментальную природу видимых явлений.

В период гиперглобализации GVC не просто активно развивались, а быстро стали ключевым драйвером сложившейся модели мировой экономики, основанной на мировой торговле. Если ранее суть мировой торговли составлял объем товарооборота готовыми товарами, то с конца XX в. исследователи констатировали активное расширение торговли промежуточными товарами.

В результате взаимного наращивания странами доли промежуточных товаров в международной торговле возникли так называемые конвейеры, синхронная работа которых образовала модель обмена, мультипликативно расширившую мировую экономику, ядром которой стала связка США–Китай.

Трансформация модели обмена США–Китай

Для более четкого понимания того, что же произошло в 2008 г., необходимо рассмотреть характер и предысторию сложившегося в мировом развитии явления, называемого моделью обмена США–Китай в контексте расширения GVC.

Активная индустриализация потребовала перестройки общественных институтов и принципов организации общества. Именно поэтому период 70-х гг. прошлого века в большинстве развитых стран сопровождался массовыми выступлениями, студенческими забастовками, эмансипацией общества, всплесками молодежных субкультур и т. д. В экономически развитых странах наблюдались вспышки активности, и это было индикатором на-

зревших реформ, необходимых для дальнейшего экономического развития. Происходившие в 70–80-е гг. институциональные преобразования в мировой экономике стали своеобразным базисом для технологического развития, называющегося сегодня «индустрия 4.0» – экономика, основанная на принципах цифровизации [Тебекин и др. 2021].

В целях повышения эффективности компании внедряют цифровые технологии, такие как дополненная реальность, роботизированное зондирование, искусственный интеллект, облачные вычисления, киберфизические системы и технологии дистанционного зондирования. Цифровые технологии помогают бизнес-организациям в достижении как экономических, так и операционных целей. Искусственный интеллект (ИИ) и машинное обучение (МО) позволяют цепочкам поставок стать более устойчивыми и гибкими. Помимо искусственного интеллекта и машинного обучения, такие технологии, как блокчейн, облачные вычисления и аналитика больших данных, также помогают организациям управлять своим бизнесом с помощью долгосрочных стратегий. Во время пандемии COVID-19 были массово развернуты платформы на основе блокчейна для отслеживания распространения вируса среди пациентов с диабетом путем постоянного наблюдения за ними. Технология блокчейн способствует не только цифровым инновациям в различных отраслях, но и взаимному доверию и пониманию между работниками и работодателями. Точно так же облачные вычисления позволяют клиентам получать доступ к сети по требованию, обеспечивая максимальное использование ресурсов. Это дает пользователям доступ к общим ресурсам, таким как сети, серверы, хранилища, приложения и онлайн-сервисы, снижая стоимость реализации этих сервисов. Облачные вычисления расширяют объем знаний, ресурсов и приложений, позволяя людям использовать ресурсы для долгосрочного развития. Это также снижает затраты на обслуживание за счет максимального использования инфраструктуры и сетевых устройств.

Однако основной экономический смысл технологии индустрии 4.0 – в том, что она направлена на автоматизацию систем логистики и цепочки поставок, повышение производительности промышленных систем и упрощение автоматизированных производственных систем. Автоматизация процессов является ключевым индикатором внедрения элементов индустрии 4.0.

Таким образом, ключевыми технологиями индустрии 4.0 являются ИИ, большие базы данных, облачные платформы,

интернет вещей и блокчейн [Lema et al. 2018]. В совокупности эти технологии направлены на экономию времени и трудозатрат, влияют на колебание товарно-материальных запасов, мобильность факторов. Возникает принципиально иная экономическая сетевая среда.

В результате расширения GVC на базе индустрии 4.0 мировая экономика приобрела вектор, видимой характеристикой которого стало неравномерное развитие различных регионов мира. Возникло явление неравномерного развития. Мировых лидеров эта ситуация устраивала, в мировой политике сложился консенсус, как оказалось, недолговременный, но благодаря ему Европейский, Американский и Китайский конвейеры тиражировали повышательные темпы, в результате которых росли и мировая экономика, и торговля.

Однако к концу первого десятилетия – в 2008 г. – успешно сложившаяся модель мировой экономики пережила серьезное потрясение: именно процессы глобализации и цифровизации трансформировали ее, финансовые системы стран преобразовались в пространство открытых финансов и инвестиций, а финансовая архитектура международных экономических связей претерпела существенные изменения.

Движущие силы в процессе формирования новой модели мировой экономики

Сформировавшиеся противоречия внутри мировой экономики оказались фундаментальными, а принятые со стороны США меры в конце концов превратились в инструмент «сбрасывания» американских проблем в окружающий мир – на остальные звенья международной модели обмена, страны, центробанки, которые не имели возможности печатать мировую валюту. В первую очередь это развивающиеся страны и Европа. Поэтому, стремясь не допустить социальных протестов, европейские правительства в условиях низкой факторной доходности теряющей былую эффективность модели мировой экономики предпочли перевести издержки ее стагнации в сферу международного долга. Наращивание мирового долга фактически стало бесконтрольным и еще больше усугубило ситуацию, ведь долги необходимо обслуживать, т. е. платить проценты. Однако генерируемая США инфляция, перекладываемая на мировую экономику, подрывает основы инвестиционных процессов.

Темпы роста мировой экономики и в первую очередь мировых лидеров значительно сократились возник инфляционный всплеск, гасить который в 2022–2023 гг. пришлось совместно всем странам за счет повышения процентных ставок. ФРС повысила ставку за год до 5,5%, обвалив внутренние грузоперевозки. За ней последовали Европейский банк, Банк Англии и др. [Сопилко, Морозов 2023]. Единственным банком, который оставил ставку на прежнем уровне остался Банк Японии, что объясняется слабой экономикой и высокой степенью зависимости.

Повышение процентных ставок в целях борьбы с инфляцией, которую МВФ и Всемирный банк объявили одной из главных негативных тенденций 2020-х гг., на фоне чрезмерного долга оказалось «ледяным душем» для ключевых экономик мира, сильнее всего ударив по экономикам Европейского региона.

Совокупным следствием ряда факторов, включая рост ставок, рост цен на энергоносители, подскочившие в результате общемировой инфляции, стал классический шок предложения (рис. 1).

Шоком предложения называется ситуация внешнего воздействия на национальную экономику, когда резко изменившиеся неценовые факторы приводят к неожиданному и значительному росту себестоимости производимой продукции.

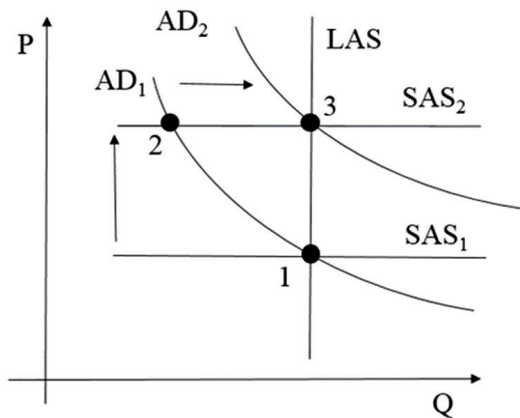

Рис. 1. Шок предложения
 SAS – краткосрочное предложение,
 LAS – долгосрочное предложение,
 AD – совокупный спрос, P – цена, Q – выпуск.
 Составлен автором

Экономика, изначально находившаяся в точке 1, перемещается в точку 2 вдоль кривой спроса. Новый уровень издержек «подбрасывает вверх» кривую предложения, цены значительно растут.

В 2020-х гг. в мировой экономике возник аналогичный эффект, а поскольку отдельные экономики теперь связаны и широко вовлечены в сети GVC, эффект действительно получился глобальный. Теперь это не совокупность отдельных шоков, которая преодолевалась странами отдельно каждой, как в 1970-е гг., а мощный глобальный шок в теории эволюции систем, означающий переход глобального рынка в новую фазу развития, на новые относительные цены в структуре мирового производства.

Понимая характер и глубину изменений, поведение монетарных властей США остальными участниками мировой торговли было воспринято негативно. Китай, например, как второй крупный участник модели международного обмена США–Китай, не имел возможности для аналогичного монетарного хода, поэтому ставка была сделана на государственную поддержку китайских компаний в направлении продвижения их на более выгодные позиции в структуре GVC.

За прошедшие десятилетия в приобретенном статусе лидирующего экспортера Китай при всех экономических показателях остался в так называемой середине «кривой улыбки» в структуре глобальных цепочек добавленной стоимости GVC [Потапов 2022]. Это означает, что китайские компании сосредоточились на наименее маржинальных участках производства, чаще всего на участках промышленной сборки. Согласно теории GVC, концентрация на этом этапе не дает существенного развития, а доход формируется в большей степени количественно, объемами, а не качественно. Более того, находясь в низкомаржинальных частях GVC, компании формируют соответствующую инфраструктуру, которая отстает по сравнению с аналогами в более развитых странах (Китай по доле в мировой финансовой системе не может преодолеть уровень в 2,3%). Потребительский сектор Китая по-прежнему отстает от аналогов в ЕС или США, более того, в Китае четко прослеживается теория «ловушки среднего дохода», с помощью которой в свое время объясняли, почему прекратилось развитие в странах Восточной Европы или остановился бурный рост в Японии.

Таким образом, путем форсированной государственной поддержки, решая вопрос невыгодного расположения китайских корпораций в структуре современного распределения миро-

вого производства, Китай попытался ответить на монетарное «цунами» из США.

Наиболее явно шаги протекционизма в китайской экономике стали видны в так называемой политике сдерживания Китая, проводимой американским правительством [Мигалева, Потапов 2023]. В частности, такая политика выразилась в нагнетании «тайваньского» конфликта и под этим предлогом в ограничении на поставки чипов из США для китайской промышленности. Оставаясь, как отмечалось, в наименее выгодных звеньях GVC, Китай определенными технологиями не располагал, соответственно в результате выпуск некоторых видов технологичной продукции в стране встал под угрозу. Несмотря на то что от 25 до 35% ввозимых в Китай чипов поставлялись из Малайзии, Южной Кореи и Тайваня, а не из США, именно США смогли создать систему эмбарго вокруг Китая. В итоге по результатам за 2022–2023 гг. экспорт из Китая технологически упростился. Например, ведущий производитель чипов памяти в Китае, компания Yangtze Memory Technologies, заявила, что не может получить комплектующие для своей работы. Очевидно, снизился экспорт электроники и, наоборот, возрос технологически более простой импорт автомобилей, что подтверждают данные статистики (рис. 2).

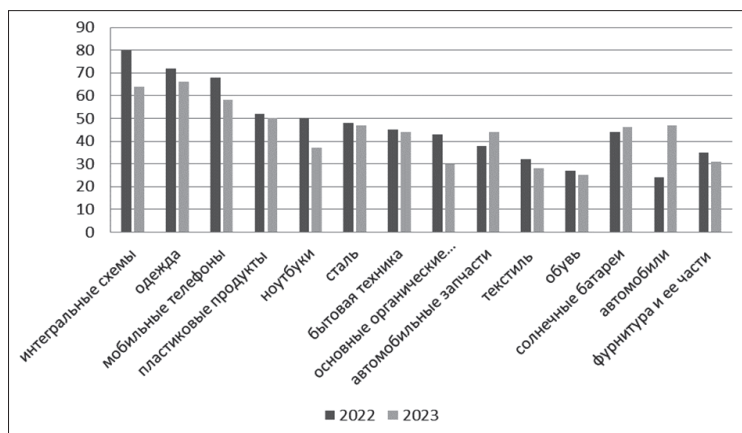

Рис. 2. Некоторые позиции экспорта из Китая, млрд долл.
Составлен по материалам “Financial Times”¹

¹ The factories on the front line of China’s economic slowdown // Financial Times. URL: <https://www.ft.com/content/e9f5cdd9-7fb2-4425-bd32-30739e5819cb> (дата обращения 15 июня 2024).

Под давлением США сократился и приток иностранных инвестиций в Китай. Иностранные инвесторы вложили в Китай только \$5 млрд прямых инвестиций (ПИИ) во втором квартале 2023 г., что является самым низким показателем с тех пор, как стали вести такую статистику (с начала 1990-х гг.).

В ответ на недружественную политику США, препятствующую смене диспозиции китайских компаний в структуре GVC, власти Китая также нашли болезненную точку для США в новом технологическом укладе, а именно в технологиях возобновляемой энергетики. Как известно, Китай является крупнейшим экспортером редкоземельных металлов, т. е. сырья, необходимого для производства солнечных панелей в PV-энергетике. Одновременно, согласно планам администрации США, именно солнечная энергетика (PV-energy), по прогнозам EIA US, к 2050 г. для страны станет приоритетом в развитии американской энергетической системы. А действия Китая отчасти создают проблемы для реализации этого плана и в целом являются угрозой технологиям индустрии 4.0. Результатом таких действий, согласно отчетам ООН, стал застой в мировой экономической системе, который выразился в так называемом плато, а уровень участия в GVC этих стран значительно снизился.

Таким образом, констатируемый рост международного меркантилизма в 2020-е гг., что отмечается исследователями [Минакир 2022; Сопилко, Морозов 2023], является объективным процессом, связанным с трансформацией модели международной экономики. Прежняя модель обмена США–Китай постепенно изменяется, и появляется новая модель международной экономической системы.

Целый ряд шоков предложения не выступает новым явлением в мировой экономике, но в условиях формирования новой модели его генерация преобразует стагфляцию в неизбежное явление. Известно, что инфляцию спроса можно регулировать на основе монетарных подходов, а инфляцию предложения погасить непросто, она связана с проблематикой международного долга, возникшего в условиях «дешевых кредитов». Например, процентные платежи по госдолгу федерального правительства США к ВВП достигли 3,62%. Это самый высокий показатель после третьего квартала 1999 г. Однако у европейских игроков состояние экономики гораздо хуже. Они получают удары по цепи, следом за американским и китайским конвейером GVC.

В отличие от обоих полюсов новой системы противостояния в мире, пришедшей на смену прежней – однополярной, европейский регион в текущий период не имеет достаточного количества ресурсов, чтобы иметь глобальную субъектность. Иными словами, европейские страны утратили инициативу и вынуждены приспосабливаться к меняющимся условиям.

США несут существенные издержки противостояния с Китаем, однако имеют ресурсы, достаточные для ведения субъектной экономической политики, что позволяет считать их полюсом силы в международных отношениях. Поэтому, несмотря на растущие издержки, американская экономика продолжает расти, а также при этом имеет возможность перекладывать часть проблем на европейских партнеров.

Европейский регион имеет двойные издержки, теряя существенно в результате растущего меркантилизма и слома прежней системы международной торговли, а также принимая ущерб, импортированный из США.

В итоге европейские экономики, в первую очередь стран-лидеров: Германии и Франции, а также Бельгии и Нидерландов, где в совокупности проживает 165 млн чел., в 2020-х гг. перешли в фазу открытой стагнации, что выразилось в бегстве среднего и крупного производителя. В регионе закрываются металлургические комбинаты, предприятия по производству автомобилей, химическое производство и т. д., крупные компании переносят головные офисы в США и Юго-Восточную Азию. Регион теряет крупных налогоплательщиков на фоне растущих социальных обязательств. По данным Еврокомиссии, 2022 г. экономика европейского промышленного локомотива – Германии – показала нулевой рост, а в 2023 г. показатель уйдет в отрицательную зону. По прогнозам The Economist, при одновременном спаде экспорта из Германии и импорта дешевого газа из России немецкая 80-миллионная экономика уступит лидерство 60-миллионной Франции, 80% энергетики которой обеспечивается более дешевой в современных геополитических условиях атомной энергией.

Экономический результат, полученный в рамках военного конфликта вокруг Украины, четко отображает истинного выгодополучателя. Американское нефтегазовое лобби фактически ударило по европейской энергетике, лишив европейских производителей дешевого российского газа, тем самым сделав их неконкурентоспособными на мировом рынке. Поэтому очевидно «бегство» европейских металлургов и химиков, произ-

водителей автомобильной и прочей техники в регионы с более дешевой энергией, например в США.

По данным Всемирного банка, на фоне «ослабевающего Севера» наблюдаются крупные инвестиционные трансформации в сторону Юга. Появляется так называемая коэволюция капитала и экономических сетей, преобразуемая в катализатор развития новой экономической модели мирового хозяйства. Она растет, постепенно вовлекая в свои сети крупные потоки мировых финансов. Так, по данным отчетов ООН, к 2020 г. доля мировых ПИИ в сторону Юго-Восточного региона увеличилась до 13,7% (для сравнения: в 2019 г. составляла 11,9%), а к 2021 г. выросла до 19%.

В текущий период растущие страны Юго-Восточной Азии стали основными донорами ослабшей мировой экономики. Индия растет на 6% ежегодно, в новые технологические лидеры стремятся Малайзия и Южная Корея, активно растет экономика более чем 200-миллионной Индонезии, экономика Филиппин и др. Обеспечивая собственный рост на уровне 5–7%, эти страны поддерживают рост мировой экономики на 2–3%, в то время как европейские страны сторнируют.

Заключение

В заключение отметим, что мировой процесс глобализации не замедляется, а продолжает расти, при этом трансформируясь в новую экономическую модель. На фоне данных процессов в мировой экономической системе наблюдается переизбыток производства материальных благ, диспропорции в их распределении, обостряются проблемы продовольствия и энергетики, растет социальное расслоение и усиливается стратификация мирового сообщества.

Первостепенное значение имеет процесс формирования и расширения международных стратегических альянсов, в котором активное участие принимают ключевые игроки, в том числе Россия и Китай. С учетом веса в мировой экономике, конечно, китайским инициативам принадлежит ключевая роль, и в первую очередь в процессах развития стран Африки. Например, смена политического колониального режима в Нигере, за которой в известной мере прослеживается интерес стран, препятствующих энергетической безопасности Франции, получающей львиную долю урана для своих атомных станций именно из Нигера. Согласно германскому опыту, можно ожидать роста

энергетических издержек и соответственно исхода промышленных производителей и из Франции. Таким образом, идет тонкое геοэкономическое противостояние крупных игроков, перекраивающих пирог мировой экономики и стремящихся в процессе ее технологического изменения занять наиболее выгодные позиции. Китай фактически открыто формирует зону своего доминирования, где будет актуальна китайская валюта, как сейчас в «западном мире» доминирует доллар. В рамках стратегических альянсов и будет происходить формирование новой картины будущего, новой модели мировой экономики, что определит на перспективу десятилетий ход экономической и политической истории.

Литература

- Волгина 2020 – *Волгина Н.А.* Изучение глобальных цепочек стоимости: роль международных организаций // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2020. Т. 15. № 2. С. 255–285. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-02-12.
- Кондратьев 2018 – *Кондратьев В.Б.* Глобальные цепочки стоимости, индустрия 4.0 и промышленная политика // Журнал новой экономической ассоциации. 2018. № 3. С. 170–178.
- Мигалева, Потапов 2023 – *Мигалева Т.Е., Потапов Д.А.* Влияние китайского проекта «Один пояс – один путь» на процессы экономической интеграции на Евразийском пространстве // Наука и искусство управления / Вестник Института экономики, управления и права Российского государственного гуманитарного университета. 2023. № 2. С. 74–88. DOI: 10.28995/2782-2222-2023-2-74-88.
- Минакир 2022 – *Минакир П.А.* Мировая экономика: идеальный шторм // Пространственная экономика. 2022. Т. 18. № 2. С. 7–37.
- Навроцкая и др. 2022 – *Навроцкая Н.А., Сопилко Н.Ю., Мясникова О.Ю.* Перспективные направления роста производительности труда в странах ЕАЭС // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2022. № 3. С. 101–115.
- Перская, Хомякова 2021 – *Перская В.В., Хомякова Л.И.* Глобальные цепочки стоимости как трансформационный индикатор изменений в мировой экономике // Вопросы региональной экономики. 2021. № 1 (46). С. 223–233.
- Потапов 2022 – *Потапов Д.А.* Роль инициативы КНР «Один пояс – один путь» в контексте трансформации мировой экономики // Наука и искусство управления / Вестник Института экономики, управления и права Российского государственного гуманитарного университета. 2022. № 4. С. 116–128. DOI: 10.28995/2782-2222-2022-4-116-128.

- Смирнов 2019 – *Смирнов Е.Н.* Детерминанты развития международной торговли в условиях гиперглобализации и цифровизации // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 5. С. 26–40.
- Сопилко, Морозов 2023 – *Сопилко Н.Ю., Морозов В.В.* Формирование новых направлений развития международного производства и финансов в условиях трансформации мировой системы // Вопросы региональной экономики. 2023. № 1 (54). С. 115–123.
- Тебекин и др. 2021 – *Тебекин А.В., Тебекин П.А., Егорова А.А.* Является ли инициатива «Индустрия 4.0» промышленной революцией? // Теоретическая экономика. 2021. № 7 (79). С. 59–73.
- Lema et al. 2018 – *Lema R., Rabellotti R., Sampath P.D.* Special issue: innovation systems in the era of global value chains // The European Journal of Development Studies. 2018. № 30. P. 345–574.

References

- Kondratiev, V.B. (2018), “Global value chains, industry 4.0 and industrial policy”, *Journal of the New Economic Association*, no. 3, pp. 170-178.
- Lema, R., Rabellotti, R. and Sampath, P.D. (2018), “Special issue: innovation systems in the era of global value chains”, *The European Journal of Development Studies*, no. 30, pp. 345-574.
- Migaleva, T.E. and Potapov, D.A. (2023), “The Influence of Belt and Road Initiative in economic integration on Eurasia”, *Science and Art of Management / Bulletin of the Institute of Economics, Management and Law of the Russian State University for the Humanities*, no. 2, pp. 74–88, DOI: 10.28995/2782-2222-2023-2-74-88.
- Minakir, P.A. (2022), “The world economy: the perfect storm”, *Spatial Economics*, vol. 18, no. 2, pp. 7-37.
- Navrotskaya, N.A., Sopilko, N.Yu. and Myasnikova, O.Yu. (2022), “Upcoming trends of labor productivity growth in the EAEU countries”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Economics. Management. Law” Series*, no. 3, pp. 101-115, DOI: 10.28995/2073-6304-2022-3-101-115.
- Perskaya, V.V. and Khomyakova, L.I. (2021), “Global value chains as a transformational indicator of changes in the global economy”, *Issues of Regional Economics*, no. 1 (46), pp. 223-233.
- Potapov, D.A. (2022), “The role of the ‘Belt and Road Initiative’ in the transformation of the world economy”, *Science and Art of Management / Bulletin of the Institute of Economics, Management and Law of the Russian State University for the Humanities*, no. 4, pp. 116–128, DOI: 10.28995/2782-2222-2022-4-116-128.
- Smirnov, E.N. (2019), Determinants of international trade growth under hyper-globalization and digitalization”, *Russian Foreign Economic Bulletin*, no. 5, pp. 26-40.
- Sopilko, N.Yu. and Morozov, V.V. (2023), “Formation of new directions for the development of international production and finance in the conditions of transformation of the world system”, *Issues of Regional Economics*, no. 1 (54), pp. 115-123.
- Tebekin, A.V., Tebekin, P.A. and Egorova, A.A. (2021), “Is Industry 4.0 an industrial revolution?”, *Theoretical Economics*, no. 7 (79), pp. 59-73.
- Volgina N.A. (2020), “Global value chain research: the role of international organisations”, *International Organisations Research Journal*, vol. 15, no. 2, pp. 255-285, DOI 10.17323/1996-7845-2020-02-12.

Информация об авторе

Наталья Ю. Сопилко, доктор экономических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; sheremett73@gmail.com

Виталий В. Морозов, кандидат экономических наук, РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ленинский пр., д. 65, корпус 1; praktikargung@yandex.ru

Information about the author

Natalya Yu. Sopilko, Dr. of Sci. (Economics), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; sheremett73@gmail.com

Vitalii V. Morozov, Cand. of Sci. (Economics), associate professor, National University of Oil and Gas "Gubkin University", Moscow, Russia; bld. 65 Leninsky Avenue, Moscow, Russia, 119991; praktikargung@yandex.ru